

УДК 271:2-77+930.85

**ДИАЛОГ, СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФРОНТАЦИЯ
В РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩЕСТВАХ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
НАЧАЛА XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ I ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА
СТАРООБРЯДЦЕВ ЧАСОВЕННОГО СОГЛАСИЯ)**

Боровик Ю.В.

Статья представляет результаты анализа материалов малоизвестного специалистам первого и единственного Всероссийского съезда староверов-часовенных, прошедшего в 1911 г. в Екатеринбурге. Ход организации съезда и развернувшиеся на нем дебаты свидетельствуют о наличии как минимум трех направлений в самом большом на востоке России старообрядческом согласии: консервативного, умеренного и лояльного. Их представители согласовали большинство актуальных для них вопросов о религиозных практиках, но разошлись в понимании степени «открытости» и допустимого взаимодействия с властями, другими деноминациями и сторонниками лояльности в их собственных обществах. Цель работы – показать неоднородность взглядов и интересов городских, заводских и сельских старообрядческих обществ, их связь с факторами социокультурного характера.

Ключевые слова: старообрядчество, часовенное согласие, Указ об общинах 1906 г., конфессиональная жизнь, съезд, братство.

**DIALOGUE, COOPERATION AND CONFRONTATION IN THE
RELIGIOUS SOCIETIES OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE
EARLY 20TH CENTURY (BASED ON EXPERIENCE OF THE 1ST
ALL-RUSSIAN CONGRESS: ‘CHASOVENNOE SOGLASIYE’)**

Borovik J.V.

The article analyses materials of the first and only All-Russian Congress of ‘Chasovennoye’ Old Believers held in Yekaterinburg in 1911. These materials were little known to specialists. The organization and discussions showed the presence of at least three branches among ‘Chasovennoe soglasiye’ as the largest Old Believers

denomination in the Urals and Siberia: conservative, moderate and loyal. Their representatives came to agreement about the rules of religious practices, but disagreed in understanding of 'openness' and permissible interaction with the authorities, other denominations and loyalists in their societies. The purpose of the work is to show the heterogeneity of views and interests of urban, factory and rural Old Believer societies, depending on socio-cultural factors.

Keywords: Old Believers, 'Chasovennye', Edict about Old-Believers communities 1906, confessional life, Congress, brotherhood.

Статья подготовлена по госзаданию Министерства образования и науки РФ в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6 «Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти».

В начале XX в. в российском обществе активно велись дискуссии о выведении официальной Православной Церкви из-под синодального управления, созыве Поместного собора, реформе прихода. В старообрядчестве, где миряне обладали бóльшим влиянием, а соборы сохранились как инструмент принятия решений, актуальные проблемы оказались иными, но и они во многом были связаны с определением полномочий и также сопровождались бурными дебатами об устройстве внутренней жизни.

Особенно частые споры о приемлемости нахождения старообрядческих обществ под контролем (пусть даже формальным) административных властей развернулись в самом многочисленном старообрядческом согласии на востоке России – часовенном (до 1840-х гг. беглопоповском). «Яблоком раздора» стали правила регистрации общин, создания новых внутриконфессиональных институтов – братств и старообрядческих школ на основе Указа 17 октября 1906 г. Консервативное течение, отказавшееся принимать новые правила, составляло у часовенных большинство согласия, в отличие от других направлений старообрядчества [11]. Оппоненты консерваторов были

немногочисленны, но активны и влиятельны. Хотя основные тезисы дискуссии и её результаты в недавнем прошлом введены в научный оборот, объяснение причин столь масштабного противостояния, затронувшего все согласие, остается в поле гипотезы [1; 2, с. 150-151; 5, с. 27; 10], поскольку часто взгляды одного направления экстраполируются на всё согласие в целом.

Внести определенность могут постановления соборов часовенного согласия с аргументацией обеих сторон. Однако три из них (Екатеринбургский 21 сентября 1908 г, Качегарский 28 мая 1911 г., Горбуновский 13-15 января 1912 г.) известны лишь по упоминаниям или кратким пересказам в печати [6; 7; 8; 9; 12; 13, с. 78]. Единственным источником, содержащим очень подробное, почти стенографическое описание дебатов по наиболее актуальным для согласия вопросам того времени, являются «Труды Первого Всероссийского съезда часовенного согласия» проведенного в Екатеринбурге в 1911 г. [13]. Представленный в данной статье анализ материалов съезда позволил проследить организацию собрания, ход дискуссии, поведение участников, приемы, которые были использованы ими для продвижения нужных решений, интересы сторон и группы, которые они представляли.

Материалы съезда были подготовлены и выпущены в 1912 г. при участии сотрудников екатеринбургской газеты «Уральский край». В состав издания была включена предыстория съезда, информация о количестве прибывших, полные тексты приветственных речей и докладов, конспективное изложение выступлений с цитатами наиболее ярких высказываний, а также протокольные данные о проведении голосований и результатах. В материалах съезда указан список делегатов, избранных в Совет братства.

Подготовка и начало съезда

Через Пермского губернатора уполномоченные от 15-ти общин, имевших на тот момент официальный статус, обратились в Департамент духовных дел МВД с прошением разрешить провести в Екатеринбурге два съезда – 25-29 сентября и 1-4 октября 1911 г. В Санкт-Петербурге прошение было рассмотрено и удовлетворено.

Судя по представленному ходатайству о съезде, опасения относительно перспектив регистрации делегатов проходили не по линии городские – сельские (крестьянские) общества, поскольку почти три четверти подписавших его принадлежали как раз к крестьянским общинам. Основная их часть (8 из 11) была сосредоточена на смежных территориях южной части Урала и Зауралья – в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии, в соседнем Шадринском уезде Пермской губернии и Курганском уезде Тобольской губернии. Из горожан созыв съезда поддержали Никольская и Успенская общины в Екатеринбурге и одна в Челябинске. Есть основания предполагать, что влияние городских обществ, подкрепленное хозяйственными связями (в Зауралье располагались мельницы влиятельного екатеринбургского купеческого семейства Щербаковых, попечительствовавшего в екатеринбургской Никольской общине часовенных), сыграло ведущую роль в лояльном отношении часовенных этого района к регистрации и обеспечило их участие в подаче прошения о съезде с соблюдением всех формальностей.

Горнозаводские поселки в ходатайстве представляла единственная община Саранинского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии. Ни в одном из крупных заводских центров – Невьянском, Нижнетагильском, ни в каком либо-другом заводе часовенные не пожелали пройти регистрацию. Тем не менее, на самом съезде были уполномоченные от большинства этих общин, за исключением нижнетагильской, откуда приехали «по собственному желанию» без права голоса лишь двое – Еловиков И. Г. и Комельков Ф. Я. [13, с. 17], видимо для того, чтобы составить собственное представление о происходящем на съезде. В дебатах они не участвовали, и ни в какие объединения не входили.

Доклады по программе съезда должны были подготовить начетчики, которые выступали еще и в роли главных экспертов. В отличие от соборов 1880-х гг. [3, с. 339-358; 4 с. 130-131] к духовному авторитету иночества (черноризцам) собравшиеся не обращались, хотя несколько скитских отцов присутствовали, как и прежде. Однако их реплики и высказывания нигде не

упоминаются, к ним не обращаются за советом и к их мнению не апеллируют в спорных моментах.

Время проведения съезда было выбрано осеннее, удобное для крестьян, когда основные сельскохозяйственные работы обычно завершались. Первоначально предполагалось, что состоится два съезда. Первый из них, запланированный на 25-29 сентября, был необходим для введения единообразия обрядовой практики при совершении сохранившихся у часовенных таинств крещения, брака, покаяния и причащения, а также для уменьшения разномыслия по вопросу о регистрации общин. В программе второго съезда, 1-4 октября стояло учреждение братства и школ. Именно в такой очередности инициативная группа первоначально расположила рассмотрение вопросов. Представляется, что этот порядок являл собой своеобразную иерархию стоящих перед согласием проблем. Видимо, с этой же программой были знакомы и общества, которые отправляли на съезд своих представителей: им давали полномочия принимать лишь определенный вариант решений по этим вопросам или не голосовать вообще.

Однако, видимо, в процессе подготовки собрания стало понятно, что начинать с важного, но при этом самого дискуссионного вопроса об унификации совершения таинств, чревато долгим разбирательством многообразия практик, которое, в свою очередь, может обернуться дополнительными разделениями. Кроме того, легко было предположить, что, получив, наконец, решение о таинствах, уполномоченные могут разъехаться, и второстепенный для них, но важный для организаторов, вопрос о братстве останется без должного рассмотрения представительным составом съезда.

Поэтому подготовительная комиссия съезда решила в первый же день подвинуть собравшихся к созданию братства и выбору членов его совета, которым в дальнейшем можно было бы поручить подробное разъяснение всех возникающих спорных моментов, в том числе и обрядовых. Число членов Совета братства не превышало бы двух-трех десятков человек, которые в любом случае имели больше шансов договориться между собой, чем несколько

сотен человек, прибывших на съезд, каждый с наказом действовать в интересах своей общины. При этом коллегиальный состав придавал решениям Совета авторитетность.

В конце сентября 1911 г. в Екатеринбург съехалось около 400 старообрядцев-часовенных из Вятской, Оренбургской, Самарской, Уфимской, Пермской, Тобольской, Томской губерний. Прибыли также представители беглопоповцев из Нижнего Новгорода.

Съезд открылся 25 сентября в 12 часов в доме Городского общественного управления. Председателем съезда был единогласно избран настоятель екатеринбургской Никольской общины Порфирий Симонович Мокрушин. Первое заседание началось с приветственных речей, зачитывания текстов предлагаемых к рассылке благодарственных и соболезнующих телеграмм (вдове П.А. Столыпина).

После этого участники были удивлены новостями от организаторов. Собранных известили, что доклады про таинства и общины пока рассматриваться не будут, поскольку докладчики еще не прибыли, и программу начнут с конца – с доклада о братстве. Но большинство делегатов приехали на съезд в Екатеринбург, в первую очередь, как раз для выяснения правильности совершения крещения, брака, причащения и покаяния. Мало кто из уполномоченных видел связь между созданием братства и возможностью разрешения проблем с таинствами. К тому же в вопросе о вхождении в какие-либо объединения, вроде братства или официальных общин, многие из делегатов имели «осторожные» указы своих обществ воздержаться от присоединения к сторонникам этих нововведений (причем, часто братство и община виделись неким единым целым) [13, с. 30, 34].

Кроме того, собрание высказало неодобрение изменением порядка рассмотрения пунктов предварительной программы. Критике подверглась кулуарность принятия этого решения. Недовольные апеллировали к полномочиям Всероссийского собрания: «Раз открылся Съезд, то изменение программы зависит уже от собрания, а не от комиссии» [13, с. 26].

Разочарование было довольно значительным, его не мог скрыть даже один из товарищей председателя бугурусланский мещанин С.Д. Яковлев, видимо, не входивший в круг «реформаторов» программы: «Больше года предсъездная комиссия готовилась к Съезду. Съезд, наконец, состоялся. Но когда члены Съезда собрались на заседание, им говорят: у нас нет доклада, нет материала. Что же это значит? Неужели же комиссия не могла своевременно разобраться и подготовить всё необходимое для Съезда? Это очень печально, но что же делать? Начнем. Может кто-либо и выступит с докладом» [13, с. 26]. Столь неожиданная для организаторов импровизация была поддержана большинством присутствовавших и открыла обсуждение обрядовой практики без каких-либо преамбул, после чего несколько часов заслушивались речи делегатов о «религиозных нуждах» первостепенной важности.

«Во всем этом мы сомневаемся»: главные направления дискуссий

Выступления показали, что ценность бытовых предписаний была для многих сравнима с самими таинствами. Выяснилось, что помимо отсутствия единообразия с выполнением крещения, бракосочетания, причащения и покаяния старообрядцев-часовенных волновали различное отношение к пострижению волос, ношению одежды «немецкого» покроя, калош с двуглавыми орлами и крестами, молитвам за царя и молитвам за рожениц, порядку благословления наставников, питию вина, чая, курению табака и использованию самовара, керосиновых ламп, земледельческих машин, железной дороги, книг и икон, «писанных неверными» и многое другое. Организаторы собрания неоднократно призывали собравшихся оставить на время в стороне эти проблемы и перейти к созданию братства: «этот вопрос все осветит и поможет разобраться затем в других вопросах программы», надо «избрать добрых мужей, которые разобрались бы во всем этом и привели бы старообрядцев к единомышлению» [13, с. 27-28]. Однако, и в первый, и во второй раз этот призыв был отвергнут делегатами.

Почти весь первый день понадобился для того, чтобы прийти к выводу о безрезультатности попыток решить этот вопрос за один раз многочисленным

собранием, в котором почти за каждым уполномоченным стояло собственное понимание правильности совершения таинств или религиозного обоснования бытовых запретов.

Дебаты так не смогли продвинуться дальше попытки определить, что же следует считать обрядом, требующим упорядочения. Выступления грозили внести больше разногласий, чем ясности, поэтому руководители съезда предложили представлять доклады им на предварительное согласование, поскольку некоторые «могут оказаться совершенно неподходящими и содержанием своим могут не только вселить недоразумения, но и рознь» [13, с. 28].

К концу первого дня, удостоверившись в тщетности дальнейших прений на тему обрядов и таинств, несколько представителей крестьянских общин горнозаводского района и Зауралья присоединились к очередному предложению организаторов оставить эту проблему и решать вопрос об объединении. Съезд наконец-то согласился на очередное предложение рассматривать вопросы в зависимости от степени их подготовленности, и доклад о создании братства был прочитан.

Представление этого вопроса готовили крестьянин Даниил Серебренников из Невьянского завода (о сути братства) и мещанин Павел Толстых (о роли начетчика в братстве). По их словам, братство должно было стать союзом всех старообрядцев, которые делегируют своих представителей в Совет братства для изучения, согласования и представления всех актуальных вопросов часовенного согласия. В дальнейшем эти предложения предполагалось утверждать на очередном съезде. Совет братства планировалось собирать в Екатеринбурге 2-3 раза в год и в него должны входить «лучшие мужи», обязанные изучать Св. Писание и Предание и регулярно приезжать на заседания, отложив свои повседневные дела. Таким образом, должно было произойти фактическое объединение часовенного согласия: «Между прочим, в высшей степени поучителен и сегодняшний день: собрались, целый день судим, судим, а ни к каким выводам не приходим. У нас

нет материала, нет знаний. Мало того, мы разъединены, друг друга не знаем, и, пожалуй, друг другу не верим» [13, с. 29]. Немногочисленные речи против братства, свидетельствовали, что даже после разъяснений, Совет многим представлялся не рабочим органом, генерирующим согласованное понимание, а неким символом, возникновение которого возможно только после устранения всех «розней» (тут намечался возврат к только что завершимся бесплодным дебатам).

Стараясь избежать нового витка выступлений, которые опять выявили бы большое разнообразие сомнений, руководство Съезда поставило вопрос на голосование и получило 76 голосов в поддержку братства и 24 против (остальные уполномоченные воздержались от какого-либо определения [13, с. 23, 25, 29]). При этом, судя по сводкам прибывших к тому времени на Съезд делегатов, всего в этом голосовании мог принимать участие 171 человек, следовательно, возможное число воздержавшихся было 71, т.е. совсем немногим меньше тех, кто проголосовал «за». Однако, поскольку основанием для результата было простое соотношение голосовавших, вопрос об учреждении братства сочли решенным положительно и завершили первый рабочий день Съезда.

Стремительность вынесения постановления о создании братства вызвала смятение у не желавших в него входить и многочисленных воздержавшихся. На следующий день они подали председателю съезда заявление о том, что не признают братство. Но, поскольку организаторы собрания уже получили необходимое им решение Съезда, к этому демаршу они отнеслись спокойно. Всем присутствующим от председателя Съезда и его товарищей было оглашено разъяснение, что братство будет создаваться лишь теми, кто захочет в него войти, а остальные могут не участвовать. Это успокоило волнения и позволило во второй день избрать первых членов Совета братства, отдать им на усмотрение дело с приглашением начетчика и решить вопрос об обеспечении их работы за счет благотворительных добровольных взносов и комиссионных от продажи свечей Шарташского старообрядческого свечного завода.

Далее последовала дискуссия о школьном образовании и необходимости собственных старообрядческих учебных заведений. Обнаружилось, что даже многих сторонников просвещения не устраивают существующие возможности обучения в земских школах в которых преподают старообрядческие законоучителя: «не обучают ни псалтыри, ни канонам, ни пению по крюкам. <...> дети... недостаточно будут обучены христианским истинам. <...> У нас земство выстроило десяти тысячное здание для школы. Учитель у нас теперь из своих старообрядцев. Дело идет хорошо. Только вот беда: говорят детям, что земля вертится, а солнце стоит. Это нам не нравится» [13, с. 34-35].

Помимо опасений «лишнего» знания, которое разъединит детей и родителей, крестьяне небольших селений не всегда были готовы брать на себя финансовые затраты. Так, при устройстве земской школы с сельскохозяйственным и ремесленным отделениями с приглашением старообрядческого учителя для преподавания Закона Божьего в Петрокаменском заводе Верхотурского уезда Пермской губернии они отказалась брать на себя половину расходов, и сочли более удобной прежнюю практику обучения основам грамоты у «мастериц» [13, с. 33].

Наиболее активные сторонники современного образования из числа начетчиков оптимистично полагали, что смогут устроить полностью старообрядческие училища на средства братства, пригласив учителей из своих рядов, которые бы вели все предметы. Это предложение поддержало большинство проголосовавших делегатов, хотя были и воздержавшиеся. Крестьянине Шадринского уезда ни братства, ни общины, ни школы не желали: «Во всем этом мы сомневается» [13, с. 34]. Были и более аргументированные мнения: «На школы требуется разрешение [от властей]. Это нас останавливает... как бы можно свободно открывать школы – дело другое. Нужно вычитывать в Священном Писании – прибегали ли при открытии школ к власти в старое время» [13, с. 34]. В итоге, также как и в случае с участием в братстве инициатива создания школ получила одобрение Съезда, но осталась в статусе необязательной.

В следующие два дня Съезд, к радости всех прибывших, наконец-то обратился к рассмотрению вопроса о таинствах.

Как известно, после перехода к беспоповской практике часовенным пришлось адаптировать выполнение обрядов «благословленными», но не имеющими духовного сана лицами. Это привело к возникновению различных вариантов совершения таинств. Например, к началу XX в. в части обществ считалось, что при крещении наставникам не должно читать отрицание от ереси, поскольку это являлось прерогативой священника. В подготовленном к тому времени докладе отстаивался наиболее полный чин совершения таинства – с отрицанием в момент обращения лица окрещаемого на запад и погружением, после поворота его на восток. По этому поводу состоялась довольно бурная дискуссия, причем иногда стороны, ссылаясь на одни и те же тексты Св. Писания, приходили к противоположным выводам. Сначала было решено по предложению руководителей Съезда (председателя и двух его помощников) передать дальнейшее рассмотрение вопроса в Совет братства.

Однако, когда та же участь постигла проблему браков (следует ли считать сочетание жениха и невесты без священника законным союзом) и причастия (сохранились ли Св. Дары), Съезд был немало озадачен: приехали чтобы обсудить и решить насущные вопросы, а на деле – переложили их на плечи некоего вновь созданного братства, которое никогда не собиралось и не всеми признано. В последний день большинство делегатов потребовало вернуться к повторному рассмотрению таинств: «при том направлении, которые приняли эти вопросы, явиться домой к пославшим их буквально не с чем» [13, с. 38]. Руководство Съезда пыталось возражать: «ждали 250 лет. Неужели же теперь наступила такая спешка, что нельзя отложить решение вопроса на один – на два года» [13, с. 38], что породило новую волну бурных дебатов.

В итоге, о крещении, браке и покаянии на Съезде была установлена ясность: за наставниками признано право читать отрицание при крещении, найдены основания считать освященным сводный брак и покаяние могло принимать любое «избранное законное лицо». Таким образом, была

окончательно признана легитимность бессвященнической практики согласия, ранее установленная местными соборами [3, с. 334-369; 4, с. 130-131]. Наибольшую сложность вызвала проблема причастия, которую, несмотря на желание внести определенность, всё равно пришлось оставить Совету братства.

Туда же после доклада и непродолжительного обмена мнениями отправился и вопрос о приемлемости регистрации старообрядческих общин в губернских правлениях по правилам 1906 г. Показательна предшествующая этому дискуссия. Наставник часовенных Шемахинской волости Красноуфимского уезда П.Л. Зайцев трактовал понятие «община» как «общение с неверными», которое подлежит проклятию, «При таких общинах мы должны заводить книги и доставлять сведения людям Великороссийской Церкви. В этой Церкви Закон Божий давно убрали, и мы от нея отделились. Теперь хотят в эту же Церковь доставлять о нас сведения ... на такую общину, что требуются книги и сведения, ни я, ни мои общественники никогда не согласимся» [13, с. 40]. Уполномоченный часовенных с. Усть-Козлуха Башчелакской волости Бийского уезда Томской губ. Сычугов П.С. обосновывал несогласие своих единоверцев по той же причине: «И наше общество сомневается. Старики думают, что при общине от гражданской власти произойдет повреждение» [13, с. 41]. Старообрядцы Верхнеиргинского завода Красноуфимского уезда Пермской губернии отправили своего делегата П.М. Емельянова с напутствием: «поступай как знаешь во всем, но на общины не соглашайся; на братство можно, а общины не принимай... общины дело новое и опасное» [13, с. 41]. При этом противники регистрации территориально могли соседствовать с теми, кто относился к «общине» положительно. Не согласный «принять общину» крестьянин Г.Н. Нифонтов из станицы Долгодеревенской в окрестностях Челябинска Оренбургской губернии знал, по крайней мере, о пяти зарегистрированных обществах часовенных этой местности, поскольку как раз они ходатайствовали о разрешении съезда [13, с. 42].

Обсуждение вопроса о регистрации общин с выступлениями почти четырех десятков участников показало невозможность получить одобрительное

решение, которого желали инициаторы Съезда. Отрицательное заключение организаторов также не устраивало, ибо ставило зарегистрированные общины (и их в том числе) в ряды отступников от веры. Поэтому они предложили отдать изучение проблемы Совету братства и лишь в этом встретили поддержку большинства присутствовавших.

В заключительных речах выступавшие выражали надежду, что съезды станут регулярными (по примеру других согласий), но этого не произошло. Оставленные на усмотрение Совета братства вопросы консервативно настроенная часть обществ часовенных предпочла решать самостоятельно, как, например, это сделали в отношении общин (не принимать), вслед за Качегарским собором 1911 г. участники Горбуновского собора на Среднем Урале спустя три месяца после съезда (13-15 января 1912 г.) [6; 7; 8; 9].

Совет братства, собравшись первый раз сразу после завершения Съезда 30 сентября 1911 г., начал полноценно работать только в 1913 г. и основными его участниками были члены двух екатеринбургских общин. Одним из немногих свершений братства стал выпуск за счет членских взносов и пожертвований журнала «Уральский старообрядец» в 1915-1916 гг. Его редактированием занимался известный уральский начетчик А.Т. Кузнецов и молодое поколение екатеринбургского общества часовенных, отстаивавшее целесообразность регистрации общин, устройства школ, возможность участия старообрядцев в различных внеконфессиональных объединениях (кооперативах, товариществах и сообществах).

Процесс подготовки, проведение и итоги I Всероссийского съезда, события грандиозного в масштабах часовенного согласия, показали, разнородность старообрядческой среды с присутствием как минимум трех вариантов понимания принципов взаимодействия общины с внешним миром:

1. *Консервативный* – с взысканием автономии от властей, с сохранением главного авторитетного института в виде собора старейшин «единомысленных» общин в противовес братству, строящемуся из «знатоков Св. Писания» под эгидой городских светских лидеров. Сторонники консервативных взглядов

были связаны как с крестьянскими, так и с заводскими обществами, а на Алтае в их число входило и старшее поколение городских часовенных [13, с. 78]. Их основная заинтересованность на съезде сконцентрировалась вокруг решения вопроса о правильности таинств. Они отказались от легализации общин по правилам Указа 1906 г. и от создания «своих» школ.

2. *Умеренный* (отказ регистрировать общину в губернаторском списке, но признание необходимости устройства конфессиональных школ вместо обучения у «мастериц», участие в братстве) – также выражался частью крестьянских и заводских делегатов от общин, чьи интересы были ориентированы на городские сообщества.

3. *Лояльный* по отношению к нововведениям (принятие регистрации, ведения метрических книг, учреждение совета общины, активное участие в созыве съезда, создании братства, и т.п.) – прежде всего, ему были привержены городские часовенные (уральские из Екатеринбурга и Челябинска, частично алтайские из Барнаула и Бийска) и связанные с ними общины. Новые возможности, полученные после провозглашения веротерпимости, способствовали укреплению влияния светских лидеров-мирян, которые имели достаточно опыта отношений с административными инстанциями губернского уровня и не видели препятствий для повседневных контактов в поликультурном городском окружении.

Следовательно, основной круг причин столь различного отношения к «открытости», допустимому взаимодействию с властями следует рассматривать с учетом процессов социокультурной дифференциации, одним из результатов которой стало активное использование возможностей десятилетия веротерпимости, прежде всего деятелями, городских и связанных с ними крестьянских и заводских общин часовенного согласия на Урале. Изменения в более герметичных сельских обществах, особенно сибирских, были менее динамичными и незначительно затрагивали традиционный порядок.

Список литературы:

1. Агеева Е.А. Согласие старообрядцев-беспоповцев, не приемлющих общин Сибири, Кубани, Орегона. История, миропонимание, традиция // *Алтарь России. Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: местная традиция и зарубежные связи*. Большой Камень, 1997. С. 68-71.
2. Боровик Ю.В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905-1927 гг.): дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Отечественная история. Екатеринбург, 2003. 306 с.
3. Духовная литература староверов востока России XVIII-XX вв. Т. 1. Новосибирск, 1999. 800 с. (серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. IX).
4. Духовная литература староверов востока России XVIII-XX вв. Т. 3. Новосибирск, 2011. 405 с. (серия «История Сибири. Первоисточники». Вып. XIII).
5. Иванов К.Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX – начала XX века: автореф. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.02 – Отечественная история. Кемерово, 2001. 30 с.
6. Кузнецов А.Т. Общины и противообщинники // *Уральский старообрядец*. 1915. № 6. С. 25-29;
7. Кузнецов А.Т. Общины и противообщинники // *Уральский старообрядец*. 1915. № 7. С. 12-20;
8. Кузнецов А.Т. Общины и противообщинники // *Уральский старообрядец*. 1915. № 8-9. С. 13-18;
9. Кузнецов А.Т. Общины и противообщинники // *Уральский старообрядец*. 1915. № 10. С. 12-16.
10. Куприянова И.В. «Религиозная свобода» в интерпретации и практике старообрядческих сообществ Алтая (1900–1910-е гг.) // *Социум и власть*. 2014. № 5 (49). С. 112-118.

11. Необщинники // Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 184-186.

12. По поводу собрания старообрядцев в г. Екатеринбурге // Екатеринбургские епархиальные ведомости. Неофиц. отд. 1908. № 39. С. 685.

13. Труды Первого Всероссийского съезда христиан старообрядцев не имеющих священства (часовенных) в г. Екатеринбурге с 25-30 сентября 1911 (1911) года. Екатеринбург: Художественная печать, 1912. 79 с.

Сведения об авторе:

Боровик Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археографических исследований исторического факультета Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Data about the author:

Borovik Julia Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Laboratory of Archeographic Studies, Historical Faculty, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia).

E-mail: iulia.borovik@urfu.ru.